ISSN 2311-875X (Online)
ISSN 2073-2872 (Print)

Экономическая политика государства

ПАРАМЕТРЫ СОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВА КАК ИНДИКАТОРЫ РОСТА ПРЕКАРИЗАЦИИ ТРУДА*

Анна Петровна БАГИРОВА[a,•], Эдгар Владиславович ИЛЬВЕС[b]

[a] доктор экономических наук, профессор,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация
a.p.bagirova@urfu.ru

[b] аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация
edgar-ilves@yandex.ru

• Ответственный автор

История статьи:
Принята 11.05.2016
Принята в доработанном виде 24.09.2016
Одобрена 16.10.2016

УДК 331.5, 316.4
JEL: J21, J28, J64

Аннотация

Предмет. Изменения, происходящие в социально-трудовой сфере современного российского общества, приводят к повышению числа людей с незащищенной формой занятости. Трансформация занятости способствует росту прекаризации труда. Прекаризированный труд не обеспечивает устойчивости и стабильности, гарантий и перспектив, гражданских, политических и экономических прав. Он подталкивает субъекты труда к поиску путей выхода из неопределенности своего положения, что усиливает социальную напряженность. В этих условиях возникает необходимость выявления индикаторов роста прекаризации труда.

Цели. Научное осмысление явления прекаризации труда как одной из наиболее значимых проблем нашей страны. Рассмотрение ключевых параметров состояния социально-трудовой сферы российского общества как индикаторов уровня прекаризации труда.

Методология. При проведении исследования использовались методы сравнительного теоретического анализа и анализа официальных статистических данных.

Результаты. Показано, что такие параметры состояния социально-трудовой сферы, как уровень жизни населения, занятость и безработица могут быть индикаторами роста прекаризации труда.

Выводы. Необходимость исследования феномена роста прекаризации труда объясняется серьезностью последствий для экономики и общества в целом. Стратегия поведения растущего в России прекариата будет связана с поиском путей выхода из неопределенности своего положения, что, в свою очередь, может усилить ситуацию социальной напряженности. В этих условиях возникает необходимость научного осмысления данного явления как одной из наиболее значимых проблем нашей страны. В качестве индикаторов уровня прекаризации труда при этом могут рассматриваться ключевые параметры состояния социально-трудовой сферы в России.

Ключевые слова: социально-трудовая сфера, нестандартная занятость, прекариальные условия труда, прекаризация труда

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

Трендом последних десятилетий стало формирование умений населения жить в меняющемся мире, приспосабливаться к новым реалиям, изменениям, которые происходят во всех сферах общественной жизни и касаются каждого человека. Особенно наглядно подобная нестабильность прослеживается на примере социально-трудовой сферы, в центре которой находится экономически активный человек и которая является пространством формирования, функционирования и развития социально-трудовых отношений.

Дестабилизации социально-трудовой сферы способствуют глобализация и открытость мировой экономики, либерализация социально-экономической политики, изменение возрастной структуры населения в целом и его экономически активной доли, в частности – снижение темпов экономического развития, трансформация института занятости, растущая сегментация рынка труда.

Среди выделенных факторов, обусловливающих неустойчивое развитие социально-трудовой сферы, особое место принадлежит трансформации института занятости, связанной с появлением и распространением нестандартных (атипичных,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект «Интеграция результатов родительского труда в пенсионную систему РФ», № 16-32-00020).
Статья предоставлена Информационным центром Издательского Дома «ФИНАНСЫ и КРЕДИТ» при Уральском федеральном университете им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

нетрадиционных, нестабильных) форм занятости. К таким формам прежде всего относятся: занятость в условиях неполного рабочего времени или неполная занятость; занятость на условиях срочных трудовых договоров; временная, непостоянная занятость, в том числе заемный труд; вторичная занятость; дистанционная занятость; занятость на основе договоров гражданско-правового характера; неформальная занятость, в том числе самозанятость; незарегистрированная занятость в формальном секторе. Границы между различными формами нестандартной занятости размыты и подвижны[1].

Источником перечисленных форм занятости является сочетание изменившегося предложения труда со стороны потенциальных работников с увеличением спроса на нетипичную занятость со стороны работодателей. На предложение рабочей силы влияет включение в экономически активную жизнь женщин, молодежи, студентов, повышение благосостояния отдельных домохозяйств, компьютеризация и увеличение технического оснащения домохозяйств, постепенное превращение «человека экономического» в «человека творческого», повышение значения нематериальных мотивов в жизнедеятельности экономически активного населения. Среди факторов, обусловливающих повышение спроса на нетипичную занятость со стороны работодателей, – структурные сдвиги в процессе перехода к экономике знаний, усиление глобальной конкуренции, значительное расширение сектора услуг, масштабное применение информационных и коммуникационных технологий, возрастание гибкости производства и рынка труда[2].

Применение тех или иных форм занятости во многих случаях имеет добровольный характер, связано с желанием сочетать работу и учебу, работу с уходом за детьми, престарелыми или больными родственниками, работу с занятием творчеством, путешествиями и другими формами самореализации. Однако по большей части применение нестандартных форм занятости носит вынужденный характер. В условиях вынужденной нестандартной занятости человек теряет уверенность в завтрашнем дне, несет потери материального и морального характера, постепенно переходя в категорию прекариата.

Термин «прекариат» (от англ. *precarious* – ненадежный, шаткий, неуверенный) сформировался в связи с распространением так называемых прекариальных условий труда, которые можно распознать по четырем признакам: отсутствие стабильной занятости, отсутствие гарантий и защищенности, отсутствие профессиональной самоидентификации, сужение, а зачастую и отсутствие гражданских, политических и экономических прав [1].

Появление прекариата на исторической арене не осталось незамеченным. Описанные явления привлекли внимание таких западных исследователей, как П. Бурдье [2], М. Хардт и А. Негри [3], Г. Стендинг [4], М. Буравой [5], российских ученых Л.В. Санковой [6], Ю.В. Голиусовой и З.Т. Голенковой [7], Ж.Т. Тощенко [8] и др. Дискуссия вокруг прекаризации труда как нового социально-экономического явления продолжается. Можно отметить работы российских и зарубежных авторов Р.А. Долженко и Э.И. Попова, И.Д. Котлярова, А. Малахова, З.Р. Слесаренко, М.С. Черкасовой[3], А.В. Слободской, А. Инуиа, А. Хигучи и М. Хирацука, К. Харриса и Б. Скалли, Ц.К. Ли и П. Фрейза [9–19]. Исследователи по-разному трактуют феномен прекариата, но сходятся в том, что это явление, с которым невозможно не считаться и которое требует дальнейшего изучения.

Наиболее полное исследование «новой группы людей, появившихся на мировой арене, класса, который пока еще находится в процессе становления», анализ вопросов «Что это за класс? Почему нас должен беспокоить его рост? Почему он растет? За счет кого он пополняется? К чему все это может привести?» дает британский экономист и социолог Г. Стендинг в книге «Прекариат – новый опасный класс» [4]. Структуру общества Стендинг представляет в качестве пирамиды. На самом верху располагается плутократия: несколько крайне богатых «суперграждан». Сразу под плутократами и элитами находится «салариат» (от англ. *salary* – зарплата) – люди с долгосрочными гарантиями занятости. Еще ниже – старый пролетариат, а под пролетариатом возникает и растет прекариат. Ниже прекариата – только беднота, люмпенизированное население, не имеющее зачастую даже места жительства, асоциальные слои.

[1] *Колот А.М.* Трансформация института занятости как составляющая глобальных изменений в социально-трудовой сфере: феномен прекаризации // Рынок труда и занятости населения. 2014. № 2. С. 3–6.

[2] Там же.

[3] *Черкасова М.С.* Прекариат и прекаризация занятости: реальность или научный конструкт // APRIORI. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 3.

Прекаризированная занятость мало зависит от сферы деятельности работника и может возникнуть практически в любом виде профессионального труда. Прекариат может пополняться практически из всех слоев современного общества; он олицетворяет собой огромную массу людей, занимающих неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое имеет не временный, а длительный характер. *«Кто пополняет ряды прекариата? Можно сказать: на самом деле все, большинство из нас. От этого никто не застрахован, и оказаться в прекариате может едва ли не каждый – из-за несчастного случая или если кризис уничтожит все «подушки безопасности», на которые мы привыкли полагаться. При этом не следует забывать, что прекариат – это не только жертвы обстоятельств: одни попадают в прекариат, потому что отказываются от доступных альтернатив, другие – потому что это их в данный момент устраивает. Короче говоря, прекариат многолик»*, – заключает Г. Стендинг [4].

Распространение прекаризированной занятости характерно для большинства стран мира. Десятки миллионов людей трудятся на рабочих местах, находящихся вне сектора постоянной занятости. Прекаризированная занятость в разных странах имеет свои особенности. Установлено, что в российской экономике наиболее широкое распространение получили такие формы нестабильной занятости, как занятость, регламентированная срочными трудовыми договорами, заключаемыми с работниками работодателем; занятость в режиме неполного рабочего времени; договоры аутстаффинга, заключаемые с работниками агентствами занятости; занятость на основании трудовых договоров с условием работы вне местонахождения работодателя [18].

Необходимость исследования феномена прекаризации труда диктуется серьезностью последствий для экономики и общества в целом. Эта проблема осознается и российскими учеными-экономистами. В частности, Ж.Т. Тощенко указывает на то, что *«появление прекариата означает возникновение непредвиденных экономических, социальных, политических и культурно-нравственных эффектов, которые по значению и воздействию на жизнь обществ и государств превосходят известные истории деструктивные и долго действующие последствия»* [8].

Существуют определенные методические сложности, связанные с оценкой уровня прекаризации труда. Предпримем попытку выявления *индикаторов роста прекаризации труда* на основе качественного анализа параметров состояния социально-трудовой сферы общества (табл. 1). Зафиксировав качественные индикаторы роста прекаризации, попытаемся провести их количественную оценку. Для этого будем использовать ключевые параметры состояния социально-трудовой сферы общества, оцениваемые Федеральной службой государственной статистики[4] – уровень жизни населения, занятость и безработицу.

В отношении уровня жизни населения сегодня можно говорить о следующих тенденциях.

1. *Снижение реальных доходов населения.* В январе 2016 г. общий объем денежных доходов населения Российской Федерации сложился в размере 3 125 млрд руб. Денежные расходы населения составили 3 326,2 млрд руб. и снизились на 5,5% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Превышение денежных расходов населения над доходами составило 201,2 млрд руб. Население израсходовало средств на покупку товаров и оплату услуг 2 956,4 млрд руб., что на 3,6% больше, чем в январе 2015 г. Сбережения населения за этот период сократились на 171,4 млрд руб. против их уменьшения на 146,7 млрд руб. в январе предыдущего года. Реальные располагаемые денежные доходы россиян (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен), по предварительным данным, в январе 2016 г. по сравнению с январем 2015 г. снизились на 6,3%.

2. *Снижение реальной заработной платы.* Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций в январе 2016 г. составила 32 122 руб., и по сравнению с январем 2015 г. выросла на 3,1%. Отметим, что падение реальной заработной платы началось с марта–апреля 2015 г. По словам руководителя министерства труда и социальной защиты РФ М. Топилина, *«у нас очень сильно снизились реальные заработные платы. За прошлый год минус практически 9,5%. Это означает, что мы потеряли в реальных заработных платах больше, чем в прошлые кризисы. И в конце 2000-х гг. таких снижений*

[4] Информационный сайт Федеральной службы государственной статистики.
URL: http://gks.ru/free_doc/doc_2016/social/osn-01-2016.pdf

заработных плат не было»[5]. Кроме того, известно, что заработные платы различаются по отраслям. Так, в 2015 г. уровень среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций, занятых в здравоохранении и предоставлении социальных услуг, составил к ее уровню в обрабатывающих производствах 88%, работников образования – 85% (в 2014 г. – соответственно 92 и 88%).

3. *Рост задолженности по заработной плате.* Суммарная задолженность по заработной плате по кругу наблюдаемых видов экономической деятельности на 1 февраля 2016 г. составила 4 332 млн руб. и по сравнению с 1 января 2016 г. увеличилась на 760 млн руб. (21,3 %). Из общей суммы просроченной задолженности 3 116 млн руб. (71,9%) приходится на задолженность, образовавшуюся в 2015 г., 719 млн руб. (16,6%) – в 2014 г. и ранее. Такая ситуация наблюдается в большинстве субъектов Российской Федерации. На 1 февраля 2016 г. просроченная задолженность по заработной плате отсутствовала лишь в 12 субъектах РФ. За месяц она снизилась в 34 субъектах, выросла – в 37 субъектах, образовалась – в 2 субъектах Российской Федерации.

Задолженность из-за несвоевременного получения денежных средств из бюджетов всех уровней по кругу наблюдаемых видов экономической деятельности на 1 февраля 2016 г. составила 104 млн руб., или 2,9% общего объема просроченной задолженности по заработной плате. Из общего объема задолженности из-за бюджетного недофинансирования 54,5% приходилось на федеральный бюджет, 15,5% – бюджет субъектов Российской Федерации, 30% – на местные бюджеты. Задолженность по заработной плате из-за отсутствия собственных средств организаций за январь 2016 г. увеличилась на 729 млн руб. (26%), и на 1 февраля 2016 г. составила 3 538 млн руб.

В отношении занятости и безработицы сегодня в России фиксируются следующие тенденции.

1. *Рост безработицы и неформальной занятости.* Численность рабочей силы (экономически активного населения) в январе 2016 г. составила 75,8 млн чел., или 52% от общей численности населения страны. В их числе 71,3 млн чел., или 94,2% рабочей силы были заняты в экономике и 4,4 млн чел. (5,8%) не имели занятия, но активно его искали (в соответствии с методологией Международной организации труда они классифицируются как безработные). Численность занятых в январе 2016 г. по сравнению с январем 2015 г. снизилась на 0,4 млн чел. К концу января 2016 г. в государственных учреждениях службы занятости населения состояли на учете 1,2 млн незанятых трудовой деятельностью граждан, из них 1 млн чел. имели статус безработного, в том числе 0,9 млн чел. получали пособие по безработице. В целом на 100 заявленных вакансий в государственных учреждениях службы занятости населения приходилось 109,1 незанятых работой граждан.

Безработица в значительной степени является застойной. Из 1,5 млн безработных сельских жителей 35,6% находились в ситуации застойной безработицы (искали работу 12 мес. и более), из 2,9 млн безработных городских жителей – 24,3%. Средняя продолжительность поиска работы безработными в январе 2016 г. у женщин составила 7,8 мес., у мужчин – 7,1 мес. По данным проведенного Росстатом выборочного обследования, в январе 2016 г. 29,6% безработных использовали в качестве способа поиска работы обращение в государственные учреждения службы занятости населения, 66,1% безработных – обращение к друзьям, родственникам и знакомым. Средний возраст безработных составил 36,4 года. Молодежь до 25 лет составляет среди безработных 21,5%, лица в возрасте 50 лет и старше – 21,7%.

2. *Снижение численности штатных работников организаций.* В 2015 г. в общей численности занятого в экономике населения 33,3 млн чел., или 46 %, составляли штатные (без учета совместителей) работники организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства. На условиях совместительства и по договорам гражданско-правового характера для работы в этих организациях привлекалось еще 1,4 млн чел. (в эквиваленте полной занятости). Число замещенных рабочих мест работниками списочного состава, совместителями и лицами, выполнявшими работы по договорам гражданско-правового характера, в организациях (без субъектов малого предпринимательства) в 2015 г. составило 34,7 млн чел. В 2015 г. в общем количестве замещенных рабочих мест в организациях удельный вес рабочих мест внешних совместителей составлял 1,8%, удельный вес лиц, выполнявших работы по гражданско-правовым договорам, – 2,4%.

[5] Информационный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации.
URL: http://rosmintrud.ru/labour/relationship/236

3. *Рост неполной занятости работников организаций.* В IV кв. 2015 г. в организациях (без субъектов малого предпринимательства) численность выбывших работников превысила численность принятых работников на 373,6 тыс. чел.: было принято на работу 6,6% работников списочного состава, выбыло по различным причинам 7,7% работников списочного состава. В общей численности выбывших работников наибольший удельный вес (71,1%) составляют уволившиеся по собственному желанию.

В IV кв. 2015 г. 2,5% списочной численности работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) работали неполное рабочее время по инициативе работодателя или по соглашению между работником и работодателем. Доля работников, находившихся в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника, составила 0,9% списочной численности работников. Ситуация по отраслям экономики различна. В частности, в организациях обрабатывающих производств 16,9% работников списочной численности находились в отпусках без сохранения заработной платы по письменному заявлению работника, а также неоплаченных отпусках по инициативе работодателя, в том числе в организациях по производству прочих неметаллических минеральных продуктов – 21% списочной численности работников. В среднем этот показатель составил 7,6% списочной численности работников.

Средняя фактическая продолжительность рабочего дня в 2015 г. составила 7 ч и была ниже, чем в 2014 г.

Экономические трудности способствуют росту специфических преступлений. В январе 2016 г. число выявленных лиц, совершивших преступления в составе организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации), составило 0,9 тыс. чел. (в январе 2015 г. – 0,8 тыс. чел.). Число лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, составило 31 тыс. чел., что на 20,7% больше, чем в соответствующем периоде предыдущего года, из них женщины – 3,1 тыс. чел. (увеличение на 6,2%). Факты, свидетельствующие об усилении уровня прекаризации труда в России за последнее время, обобщены в табл. 2.

Отметим, что лишение рабочих мест затронуло не только рабочих, но и все слои населения и даже часть среднего класса. Временная или неполная занятость, понижение социального статуса серьезно волнуют людей. В настоящее время в российской экономике сложилась ситуация, когда люди, по своим потенциальным возможностям и способностям претендующие на соответствующую занятость, получают менее оплачиваемую и непрестижную работу. В сознание граждан закладывается ощущение несправедливости, возникает чувство незащищенности. Отсутствие уверенности в будущем переносится и на членов семьи, ближайшее окружение, заставляет людей думать над путями выхода из создавшегося положения. Особенно тяжело молодежи, которая начинает жизненный путь и вынуждена соглашаться с предложенными условиями, в то же время надеясь, что это кратковременное явление, ситуативные издержки.

Таким образом, в качестве индикаторов динамики уровня прекаризации труда можно рассматривать: динамику уровня безработицы; доли работников, работавших неполное рабочее время или неполный рабочий день; доли простаивающих работников и работников, находящихся в отпусках без сохранения заработной платы; динамику реальных располагаемых денежных доходов населения и реальных заработных плат, суммарной задолженности по заработной плате; долю населения, находящихся в поиске работе и получающих пособие по безработице. Косвенными показателями уровня прекаризации труда могут выступать также данные социологических опросов, в которых замеряются самооценки уровня защищенности и гарантий, связанных с профессиональным трудом.

Стратегия поведения растущего в России прекариата будет связана с поиском путей выхода из неопределенности своего положения, что, в свою очередь, может усиливать ситуацию социальной напряженности. В этих условиях возникает необходимость научного осмысления данного явления как одной из наиболее значимых проблем нашей страны. В качестве индикаторов уровня прекаризации труда при этом могут рассматриваться ключевые параметры состояния социально-трудовой сферы в России.

Таблица 1

Индикаторы роста прекаризации труда

Table 1

Labor precarization growth indicators

Признак прекаризированных условий труда	Индикаторы роста прекаризации труда
В сфере производственных отношений – *отсутствие стабильной занятости*	*Рост вынужденной неполной занятости, рост неформальной занятости* (работы по срочному трудовому контракту, устным договоренностям, договорам подряда, сезонные работы) лишает гарантий труда, занятости, гарантий рабочего места, устойчивого будущего, жизненных перспектив, приводит к необходимости постоянно искать дополнительную работу, приработок
В сфере отношений распределения – *отсутствие гарантий и защищенности у субъектов труда*	*Снижение реальных доходов, реальной заработной платы* приводит к снижению (отсутствию) медицинской страховки, пособия по безработице, пенсионных отчислений. Работникам приходится полагаться только на себя, на прямое денежное вознаграждение за свой труд, жить, опасаясь потерять то, чем они располагают, в состоянии отсутствия уверенности в будущем
В сфере отношений с профессиональными сообществами – *отсутствие профессиональной самоидентификации у субъектов труда*	*Рост неформальной занятости, неполной занятости, рост безработицы* и частая смена работ и рабочего коллектива не позволяют работникам установить прочные трудовые отношения, приводят к потере профессиональной идентичности, уверенности в социальной ценности собственного труда, возможности трудовой мобильности, повышения квалификации и карьерного роста
В сфере отношений с государством – *сужение (отсутствие) гражданских, политических и экономических прав субъектов труда*	*Рост безработицы и неформальной занятости* приводит к снижению издержек на персонал, игнорированию работодателем действующих законодательных актов, охраны и безопасности труда, к росту работников с неопределенным правовым статусом, «демонтажу» социальных гарантий, усилению у работника чувства тревоги и страха за будущее

Источник: составлено авторами

Source: Authoring

Таблица 2

Показатели уровня жизни населения, занятости, безработицы

Table 2

Indicators of the population's standard of living, employment, unemployment

Признак прекаризированных условий труда	Данные Федеральной службы государственной статистики, подтверждающие усиление признака
Отсутствие стабильной занятости	В IV кв. 2015 г. в организациях: – выбыло 7,7% работников списочного состава; – работали неполное рабочее время 2,5% списочной численности работников; – находились в простое 0,9% списочной численности работников; – находились в отпусках без сохранения заработной платы 7,6% списочной численности работников
Отсутствие гарантий и защищенности у субъектов труда	В январе 2016 г. по сравнению с январем 2015 г.: – реальные располагаемые денежные доходы россиян снизились на 6,3%; – реальные заработные платы снизились на 9,5%; – суммарная задолженность по заработной плате увеличилась на 21,3%
Отсутствие профессиональной самоидентификации у субъектов труда	В состоянии застойной безработицы находятся: – 35,6% безработных сельских жителей; – 24,3% безработных городских жителей
Сужение (отсутствие) гражданских, политических и экономических прав субъектов труда	В январе 2016 г. по сравнению с январем 2015 г.: – численность занятых снизилась на 0,4 млн чел.; – не имели занятия, но активно его искали 4,4 млн чел.; – в государственных учреждениях службы занятости населения состояли на учете 1,2 млн незанятых трудовой деятельностью граждан; – пособие по безработице получали 0,9 млн чел.

Источник: Росстат

Source: Rosstat

Список литературы

1. *Багирова А.П., Ильвес Э.В.* Родительский труд как прекаризированная занятость: материалы Международной научно-практической конференции «Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий». Т. 1. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. С. 184–187.

2. *Bourdie P.* Counterfire: Against the Tyranny of the Market. London, Verso Books, 2003. 112 p.

3. *Hardt M., Negri A.* Empire. Harvard University Press, 2000. 478 p.

4. *Стендинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

5. *Burawoy M.* Facing an unequal world // Current Sociology. 2015. Vol. 63. Iss. 1. P. 5–34.

6. *Санкова Л.В.* Прекаризация занятости в современной экономике: системный риск или «особая» форма флексибилизации // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 4. С. 44–53.

7. *Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В.* Прекариат как новая группа наемных работников // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1. С. 47–57.

8. *Тощенко Ж.Т.* Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.

9. *Долженко Р.А., Попов Э.И.* Взаимосвязь новых форм трудовых отношений и прекаризации труда в условиях постиндустриальной экономики // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2014. № 12. С. 179–185.

10. *Котляров И.Д.* Проблемы регулирования нестандартных форм занятости // Вопросы регулирования экономики – Journal of Economic Regulation. 2015. Т. 6. № 1. С. 55–66. doi: 10.17835/2078-5429.2015.6.1.055-066

11. *Малахов А.* Алотоны и автохтоны: мигранты как субъект социального взаимодействия // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 111–125. doi: http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2015.01.09

12. *Слесаренко З.Р., Гафарова В.Р.* Прекариат как признак незащищенности труда в мировом процессе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 6. С. 202–204.

13. *Слободская А.В.* Место прекариата в социальной структуре современного общества: критический анализ дискуссии по поводу концепции Г. Стэндинга // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-2. С. 162–165.

14. *Inuia A., Higuchi A., Hiratsuka M.* Entering the Precariat: Young People's Precarious Transitions in Japan. In: Handbook of Children and Youth Studies. Springer, 2014. P. 583–606.

15. *Harris K., Scully B.* A hidden counter-movement? Precarity, politics, and social protection before and beyond the neoliberal era // Theory and Society. 2015. Vol. 44. Iss. 5. P. 415–444. doi: 10.1007/s11186-015-9256-5

16. *Lee C.K.* Precarization or Empowerment? Reflections on Recent Labor Unrest in China // The Journal of Asian Studies. 2016. Vol. 75. Iss. 2. P. 1–17.

17. *Frase P.* The Precariat: A Class or a Condition? // *New Labor Forum*. 2013. Vol. 22. Iss. 2. P. 11–14.

18. *Фёдорова А.Э., Парсюкевич А.М.* Прекаризация занятости и ее влияние на социально-экономическое благополучие наемных работников // Известия УрГЭУ. 2013. № 5. С. 76–81.

ISSN 2311-875X (Online)
ISSN 2073-2872 (Print)

Economic Policy of the State

ASPECTS OF THE SOCIAL AND LABOR SPHERE OF SOCIETY AS LABOR PRECARIZATION GROWTH INDICATORS

Anna P. BAGIROVA[a,•], Edgar V. IL'VES[b]

[a] Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation
a.p.bagirova@urfu.ru

[b] Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation
edgar-ilves@yandex.ru

• Corresponding author

Article history:
Received 11 May 2016
Received in revised form
24 September 2016
Accepted 16 October 2016

JEL classification: J21, J28, J64

Keywords: socio-labor sphere, non-standard employment, precarious employment conditions, labor precarization

Abstract

Importance As seen in social and labor aspects of the Russian society, changes increase the number of people involved into precarious employment arrangements. Transformation of employment schemes contributes to labor precarization. In this respect, it becomes necessary to identify indicators of labor precarization growth.

Objectives The research constitutes scholarly comprehension of precarious employment as one of the most crucial issues of the country. We also reviewed key characteristics of the social and labor sphere of the Russian society as labor precarization.

Methods We applied methods of comparative and theoretical analysis and analysis of official statistics.

Results We prove that the standard of living, employment and unemployment and their respective indices may warn about an increase in labor precarization.

Conclusions and Relevance Increase in labor precarization should be studied since it has substantial implications for economy and society as a whole. The growing precariat in Russia will be looking for ways out of their uncertainty, thus possibly escalating social tensions. In this respect, it is reasonable to scientifically contemplate the phenomenon as one of the most crucial challenges in the country. Key social and labor indicators may be used as evidence of labor precarization.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

Acknowledgments

The research was supported by the Russian Foundation for Humanities, project No. 16-32-00020 *Integration of Parental Labor Results into the Pension System of the Russian Federation*. The article was provided by the FINANCE and CREDIT Publishing House's Information Center at the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.

References

1. Bagirova A.P., Il'ves E.V. [Parental labor as employment precarity]. *Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchnostei, institutov i territorii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. T. 1* [Proc. Int. Sci. Conf. Strategies for Developing Social Communities, Institutions and Territories]. Yekaterinburg, Ural State University Publ., 2015, pp. 184–187.
2. Bourdie P. Counterfire: Against the Tyranny of the Market. London, Verso Books, 2003, 112 p.
3. Hardt M., Negri A. Empire. Harvard University Press, 2000, 478 p.
4. Standing G. *Prekariat: novyi opasnyi klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2014, 328 p.
5. Burawoy M. Facing an Unequal World. *Current Sociology*, 2015, vol. 63, iss. 1, pp. 5–34.
6. Sankova L.V. [Precarious employment in the contemporary economy: A systemic risk or a special form of flexibilization]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Standard of Living of the Population in the Russian Regions*, 2014, no. 4, pp. 44–53. (In Russ.)
7. Golenkova Z.T., Golyusova Yu.V. [The precariat as a new group of employees]. *Uroven'' zhizni naseleniya regionov Rossii = Standard of Living of the Population in the Russian Regions*, 2015, no. 1, pp. 47–57. (In Russ.)

8. Toshchenko Zh.T. [The precariat is a new social class]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015, no. 6, pp. 3–13. (In Russ.)

9. Dolzhenko R.A., Popov E.I. [The nexus of new forms of employment relations and labor precarization in the post-industrial economy]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of Altai State Agricultural University*, 2014, no. 12, pp. 179–185. (In Russ.)

10. Kotlyarov I.D. [Non-standard forms of employment regulation issues]. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki = Journal of Economic Regulation*, 2015, vol. 6, no. 1, pp. 55–66. (In Russ.) doi: 10.17835/2078-5429.2015.6.1.055-066

11. Malakhov A. [Immigrants as social agents: allochtones and autochtones]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2015, no. 1, pp. 111–125. (In Russ.) doi: http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2015.01.09

12. Slesarenko Z.R., Gafarova V.R. [The precariat as evidence of unprotected labor in the global process]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*, 2015, no. 6, pp. 202–204. (In Russ.)

13. Slobodskaya A.V. [The place of the precariat in the social structure of modern society: a critical analysis of the debate on Standing's concept]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Arts. Issues of Theory and Practice*, 2016, no. 4-2, pp. 162–165. (In Russ.)

14. Inuia A., Higuchi A., Hiratsuka M. Entering the Precariat: Young People's Precarious Transitions in Japan. In: Handbook of Children and Youth Studies. Springer, 2014, pp. 583–606.

15. Harris K., Scully B. A Hidden Counter-Movement? Precarity, Politics, and Social Protection Before and Beyond the Neoliberal Era. *Theory and Society*, 2015, vol. 44, iss. 5, pp. 415–444. doi: 10.1007/s11186-015-9256-5

16. Lee C.K. Precarization or Empowerment? Reflections on Recent Labor Unrest in China. *The Journal of Asian Studies*, 2016, vol. 75, iss. 2, pp. 1–17.

17. Frase P. The Precariat: A Class or a Condition? *New Labor Forum*, 2013, vol. 22, iss. 2, pp. 11–14.

18. Fedorova A.E., Parsyukevich A.M. [Precarization of labor and its impact on socio-economic welfare of employees]. *Izvestia UrGEU = Journal of the Ural State University of Economics*, 2013, no. 5, pp. 76–81. (In Russ.)